

A large, multi-story log cabin constructed from dark brown logs. The lower portion of the cabin is built on a base of grey, stacked stones. A wooden cart with large, spoked wheels is positioned in front of the stone base. The cabin has a balcony on the upper level with a wooden railing. The scene is set outdoors with trees in the background.

Сергей Тарасов

Волшебные
уральские
минералы

Сергей Тарасов

Волшебные уральские минералы

«Автор»

2024

Тарасов С.

Волшебные уральские минералы / С. Тарасов — «Автор», 2024

Уральские горы богаты рудами металлов, драгоценными камнями и волшебными минералами, но их нелегко найти. Я попробовал...

© Тарасов С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Агаты	5
Аметист	7
Аметистовые друзы	8
Возвращение к порфиру	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Тарасов

Волшебные уральские минералы

Агаты

Началась весна, снег растаял, и все студенты потянулись в походы. Просто так, чтобы залезть на какую-то гору, или прогуляться по незнакомым местам, я стараюсь не путешествовать. Но в случае, когда идет о походе за камнями, я всегда «за».

Нас собралось человека четыре, и мы отправились за агатами. Я обычно ездил за хрусталем, бериллом, но агатовых мест не посещал раньше никогда. Чтобы наслаждаться агатом, надо было сначала его найти, а потом еще распилить, и отполировать. Это не кристалл, с которым ничего не надо делать. Нашел кристалл, или щетку, помыл в воде и поставил на полку, чтобы любоваться гранями.

После обеда наша компания высадилась в селе на берегу реки Синара. Перешли по подвесному мосту на противоположный берег, немного прошли по березовому лесу и подошли к участку, который весь был покрыт шурфами, канавами. Видно было, что тут происходили большие поиски и раскопки. Их проводили любители агатов. Агатоносный слой находился на глубине около трех или четырех метров. Он был небольшой – мощностью до полуметра. Тут миллионы лет назад изливалась лава, пузырьки в которой заполнялись разными по составу гидротермальными растворами. Потом базальт стал выветриваться, а пузырьки, заполненные кремнеземом, стали накапливаться на поверхности еще не выветрелого базальта, образуя россыпь. Любители камня добивались до него шурфом, а потом закладывали штрек, или копались в шурфе на дне.

Повсюду в глине валялись обломки яшмы и агатов. Мы не стали копать шурф, а разбрелись по отвалам, в надежде найти агат, или красивую яшму, которые оставили, любители, которые выкопали все эти шурфы.

Стемнело и становилось холодно. Мы разожгли огромный костер, сварили ужин. Часа через три, когда прогорели все березовые дрова, убрали угли и на место костра поставили палатку, забрались в нее всей толпой. Там оказалось тепло, и мы проспали до самого утра. Утром поели, часа два проходили по отвалам, и пошли на автобус. Мне попало совсем немного агатов. И у меня не было алмазного круга, чтобы их распилить и посмотреть, какие они внутри. Это я поделал позже, когда поехали снова на это место с парнями из нашей институтской группы.

Нас собралось человек десять. Набрали вина, приехали на тоже самое место и начали поиски. Трудились до самого вечера. Обошли все отвалы и разворошили глину около них. Вечером разожгли костер, и начали пить вино, которое взяли с собою.

Утром мы Николаем, студентом из моей группы, создали товарищество по добыче агатов, и отправились на окраину этого агатового проявления. Там был узкий и глубокий лог, по которому протекал маленький ручеек. Я размышлял утром, как бы безо всякого труда найти большое количество агатов и пришел к выводу, что на дне этого лога, в ручье должны быть агаты, ведь он был глубокий – до шести метров, и был обязан размывать агатовый слой.

Так и оказалось. Мы с Николаем начали добычу агатов у самой реки, в которую впадал ручей. И продвигались вверх, складывая все найденные агаты сначала в карманы, а потом, когда карманы не могли вместить нашу добычу, достали мешки и стали их складывать туда. Трудились в этом логу часа до самого обеда. У каждого добыча занимала весь мешок, и весила около пяти килограммов. В ручье агаты было видно хорошо – вода их отмыла, и превратила разноцветные полосы агатов в полоски, которые было видно даже без распиловки.

Вот что может сделать нежелание копать глину в шурфах. Приходится шевелить мозгами, чтобы найти хороший агат, не утруждая себя тяжелым физическим трудом.

Я привез домой десятка три хороших и крупных агатов, и летом я их все распилил, так как у меня уже был алмазный круг. Шлифовать и полировать я не стал. Не было у меня таких станков. Часть их я дарил, а часть осталась у меня. Но разрезанные тогда агаты я то и дело встречаю сейчас в ящиках мастерской.

Но история с агатами на этом появлении не закончилась. После окончания учебы в институте, уже работая в геофизической партии геологом и начальником отряда, я побывал снова в этих уже знакомых местах.

В мае и в начале июня наш отряд работал в Челябинской области. Наши самолеты летали на одном участке с геофизической аппаратурой на борту, и я приехал в Магнитогорск, к главному геологу, чтобы получить у него дополнительный объём работ. Неожиданно выяснилось, что надо ехать к реке Синаре, чтобы там проверить ряд аномалий.

Мы собрали лагерь, и отправились в дорогу. Доехали до будущего лагеря, на берегу реки, около этого проявления агатов. Пока рабочие трудились на установке палаток, я с геофизиком пошел посмотреть на знакомые места. Они были там, в полной сохранности. И шурфы, и ямы, и даже знакомый лог – все они были на месте. Я встретил там целый класс из какой-то школы – их было человек двадцать, представился, потом стал пытаться вожакого этого отряда, кто ему разрешил тут лазить, на нашей площади. До смерти запугав это парня, я потом разрешил ему со своими пионерами дальше искать агаты и поинтересовался, что они нашли.

Нашли они немного, и я отстал от этих пионеров с вожатым во главе. Дальше мы стали работать на аномалиях, но каждый вечер все рабочие ходили искать агаты. Мне повезло найти огромный агат – он был около пятнадцати сантиметров в поперечнике – заметил его в одном шурфе и выковырял из глины.

Когда мы закончили поверку всех аномалий в этом районе – это случилось через месяц, то вся моя палатка была обложена агатами. Их было там около тысячи. В нашу машину они все не вошли, пришлось большую часть их оставить на берегу реки, где был разбит наш палаточный городок. И мне пришлось долго выбирать из них самые большие и красивые, чтобы увезти домой.

Вскоре мы приехали в Екатеринбург. Полевой сезон закончился, и все привезли в качестве сувениров агаты, даже водитель захватил с собою несколько штук. Когда после отгулов я вышел на работу, то подарил главному геологу и начальнику срезы с агатов, которые я привез. И они были очень довольны.

В будущем я еще наведаюсь в эти места. Пороюсь в этом ручье, похожу по отвалам и загляну на другой берег реки, где на одной из аномалий я встретил кору выветривания базальтов, в которых была масса агатов. Их можно собирать там ведрами, но они были мелкими – до двух сантиметров в поперечнике.

Аметист

Работа была интересной – мы ездили по району, который в прошлом славился своими месторождениями самоцветов, и я смотрел на проплывающие мимо пейзажи с березовыми колками и старыми ямами, в которых ждали аметисты, горный хрусталь, или аквамарины.

Одна гамма аномалия оказалась рядом с затопленным старым карьером, в отвалах которого было много пегматита. Значит, находка этих камней для моей коллекции зависела только от моей удачи.

Когда закончил ходить с радиометром по всему лесу и нашел эпицентр аномалии, геофизик принес спектрометр и стал мерять концентрации урана, тория и калия, а я отправился к этому старому карьеру. У воды стоял наш уазик, водитель достал удочку и пытался поймать рыбу. У него, как обычно, не клевало, и он печально смотрел на неподвижный поплавок. Мне пришлось ему напомнить, что по обоюдному нашему уговору он был обязан выкопать шурф. За это получал добавку к своей зарплате. Он сменил удочку на лопату и покорно отправился за мной копать яму. Убедившись, что все подчиненные заняты делом, вернулся к карьеру и на отвалах его развернул поиски минералов. Но мне не везло в этот день. Ни одной, заслуживающей внимания находки. В конце концов, мне надоело безрезультатные поиски, и я вспомнил о работе. Шурф уже был выкопан, и геофизик заканчивал контрольные измерения на своем профиле.

С радиометром я спустился в шурф, померял гамма активность на забое. Она была не очень высокая. Ураном, во всяком случае, тут и не пахло. Оставалась слабая надежда, что в пробах обнаружится геохимическая аномалия на какой-либо полезный химический элемент. На описание шурфа, замер стенок радиометром и отбор проб у меня ушло немного времени. Потом на аэрофотоснимке сделал прокол, и с обратной стороны нарисовал значок шурфа. Моя работа на этом была почти закончена. Оставалось вечером вычертить изолинии гамма поля и заполнить паспорт этой аномалии. Мы вместе закидали шурф землей, на березе около него я сделал затес и на нем написал карандашом номер аномалии и год.

Можно было ехать домой. Перед отъездом решил проверить, вернулась ли ко мне удача, и вылез из уазика. Водитель, поспешил узнать, что за остановка. Я ему объяснил, что ищу. Когда он понял, то сказал, что перед самой рыбалкой он выкинул с места, на которое хотел сесть, какую-то пирамидку синего цвета, с гранями. Это был аметист, который я не мог найти. Пришлось ему объяснить, что он выкинул камень, который потом можно было продать за сумму, которую он получал за два, как минимум, месяца работы.

Начались поиски этого аметиста. Водитель лишь приблизительно помнил направление, в котором его выкинул. Втроем за каких-то полчаса мы обыскали все отвалы в этом направлении, но обиженная Серегой фортуна так и не повернулась к нам лицом. Поехали домой, и всю дорогу водитель слушал мои упреки и нравоучения. Наконец, ему надоело, и он пообещал мне, что больше не будет. И лишь тогда я замолчал. Мне было очень жаль аметиста.

Аметистовые друзья

Среди камыша и осоки недалеко от тропинки находилась большая, высокая куча аметистовых друз. Грани кристаллов сверкали на солнце фиолетовым сиянием, искрами и моим глазам было больно смотреть на этот рукотворный костер. Большой красоты в жизни мне не приводилось встречать. Большие, великолепно ограненные сине-фиолетовые кристаллы росли вместе, они были практически одинаковыми и очень крупными – до восьми сантиметров длиной и почти такими же размерами в основаниях кристаллов. Все они были без трещин, с идеальным качеством для огранки, но гранить их было незачем – они и так, без огранки, смотрелись очень эффектно, и каждая из друз представляла собой произведение искусства. Каждая могла стоять целое состояние, – такие большие и красивые аметистовые друзы я видел только в музеях.

Такое богатство попадает в руки только раз в жизни, и мне очень повезло. Унести их домой я не мог – их было очень много, и чтобы они больше никому не попались на глаза, следовало их сначала спрятать получше, а лишь потом начать перетаскивать их домой. Они были не очень тяжелые, килограмма по два, три и размеры их были почти одинаковые: сантиметров двадцать или тридцать в поперечнике.

Я посмотрел по сторонам, оценивая окружающие места и думая лишь о том, где и как их можно спрятать – в укромное место, поближе к этой куче, чтобы недалеко было тащить. Мне надо было оперативно действовать, иначе за этим занятием меня кто-нибудь заметит и тогда все пропало. Место мне было знакомое – тут раньше я был не один раз, и сразу отшел в сторону выходы гранитных глыб на невысокой горке, которая была в ста метрах от меня. В них можно было спрятать все угодно, – в одной такой маленькой пещерке между гранитными глыбами я хранил махровую простынь и всякую мелочь, вроде сапог, в которых переходил болото. Их было неудобно тащить домой, и я прятал их каждый раз, когда уходил.

Вокруг было большое болото, с редкими тропками рыбаков. По одной из них, самой безопасной и мелкой я проходил на небольшой остров, где росли сосны и был пляж, на котором я купался в июле, когда была такая жара, что спастись от нее можно было только в воде. Воды в болоте было много, и болотные сапоги часто заливало, поэтому я раздевался, надевал на ноги туфли или старые кроссовки, а сейчас для этой цели служили старые зимние сапоги – чтобы стерня камышей и осоки не поранила мне ноги. Тропа через болото была метров триста длиной, потом я снимал их и шел на маленький пляж уже босиком. Вечером, после купания, снова их надевал, а потом прятал до следующего раза.

Таких маленьких пещер было на горке много, и в них было спрятать что угодно. Но до них было далеко – метров триста, и мне надо было найти место поближе. В болото прятать я не хотел – их потом самому было не найти, и оставалось только единственное место – в густой траве, у самого подножия горы.

Я взял несколько аметистовых друз в охапку и отправился вдоль кромки леса. Через метров сто я нашел на окраине соснового леса маленькую длинную полянку, заросшую густой травой и спрятал в нее первые три аметистовых друзы – просто положил их на землю, а сверху положил сорванную траву, которую нарвал еще раньше, по дороге. Рвать траву на этой полянке я не мог – это было неправильным. Любопытный человек бы сразу заметил изменения в травяном покрове, и заинтересовался бы этим.

Теперь, когда место было выбрано, я начал как челнок, снова между кучей аметистовых друз и полянкой. Больше, чем три друзы, я унести не мог – боялся их поцарапать, – от этого их стоимость сразу бы упала в цене. Сейчас каждую друзу можно был продать за пару сотен тысяч рублей, а их было, по моим скромным подсчетам, около ста пятидесяти штук. У кристаллов аметиста была разная твердость – грани были более мягкими, а ребра их, осо-

бенно сами головки кристаллов, были тверже, и мне не хотелось, чтобы такие коллекционные образцы были с царапинами.

Я переносил их осторожно, складывал в очередную горку в траве, накрывал сверху травой и шел за следующей. Когда на полянке образовался целый ряд с кучками аметистовых друз, стал выкладывать новый ряд, в метре от предыдущего. В конце, когда перетащил все найденные аметистовые друзы, на полянке было несколько таких рядов. Чтобы все на полянке выглядело, как раньше, сорвал большую рябиновую ветку и пригладил траву, под которой были ряды с кучками драгоценных камней.

До лесной тропинки я шел задом и приглаживал примятую траву, по которой шел к этой маленькой полянке. На тропинке, которая была без травы, только с многочисленными упавшими сосновыми шишками, я выкинул эту уже не нужную рябиновую ветвь, и посмотрел издали на результаты своих трудов.

Все выглядело естественным и нормальным – на следующее утро немного помятая трава встанет, и полянка опять станет прежней, как будто по ней никто и не ходил. Можно с завтрашнего утра их переносить домой, не опасаясь, что на них кто-нибудь наткнется. Хотя здесь я практически никогда и никого не встречал за все время, когда ходил купаться. Но всегда мог какой-нибудь проныра – грибник из коллективного сада отправиться за червивыми сыроежками, надеясь найти здесь красноголовик, или белый гриб, и наткнуться на спрятанные в траве аметисты. Вероятность такого события была ничтожна, и я спокойно отправился домой.

Эти события происходили очень давно, несколько лет назад. Сегодня я ночевал в своей городской квартире, и плохо выспался – в спальне была вполне комнатная температура, градусов двадцать пять градусов, но предыдущей ночью я спал в своем загородном доме, где температура ночью была всего девятнадцать градусов. Там мне спалось под толстым ватным одеялом очень хорошо, без снов и кошмаров.

Я вспомнил свою находку и место, где спрятал аметистовые друзы, и тут же понял, что забыл их перетащить домой – видимо, тогда на меня нахлынули какие-то неотложные дела, и я сначала откладывал, а, в конце концов, забыл об найденных аметистовых друзьях. О том, что они должны лежать на том месте, куда я их положил, у меня сомнения не было. Надо было идти за ними. Но сейчас только кончился февраль, снега в лесу было по пояс. Приходится немного подождать – месяца два, когда снег растает, и тогда можно было отправиться на маленькую полянку, разыскать эти ряды с кучками аметистовых друз и закончить, наконец, это дело.

За завтраком я дал себе в этом клятву, так как не люблю бросать уже начатые, неоконченные дела, но тут же начал вспоминать, куда же я спрятал золотые слитки. Я этого не помнил, и это стало для меня ударом. Весь оставшийся день я мучился, пытался вспомнить, но так и не смог. В моей памяти лишь остались форма этих золотых слитков – они были неправильной формы, напоминали диски, или золотые небольшие кляксы на ярко-зеленой траве. Но куда я их спрятал, об этом моя память молчит. Может, когда-то позже я это вспомню, как сейчас вспомнил про аметистовые друзы? Я на это очень надеюсь.

Возвращение к порфиру

Работа в кадастровой палате шла своим чередом. Когда я туда устроился, после геологических маршрутов и постоянных ежегодных полевых сезонов, я не мог сразу привыкнуть к такой рутинной работе. Без ежедневной головной боли от того, что план трещит по швам, или рабочие что-то не могут сделать. Голова работала двадцать четыре часа в сутки. Даже когда спишь, мозг работает, анализируя информацию, геологические карты и утром выдавала решение, где надо было задать канаву, или шурф.

На новую работу я приходил в восемь часов утра, включал компьютер и сидел перед монитором целый день. В пять часов вечера выключал компьютер, а заодно и свои мозги и был свободен до следующего утра. Правда, вставать мне приходилось утром раньше обычного – в половине шестого. Вначале я вставал ровно в шесть, но мне не хватало времени, чтобы поучить английские слова.

После того, как я свободно стал читать детективы на французском языке, безо всякого напряжения и усилий, то все силы и время бросил на изучение английского и испанского. Написал карточки с английскими словами и стал их запоминать. Через год я выучил несколько сот слов, и решил от них отдохнуть. Занялся испанским языком. Тоже выписал тысячу слов, и стал запоминать. Испанский оказался легче английского, и я через несколько месяцев отыскал в библиотеке Белинского испанскую книгу с большим числом диалогов и попробовал прочесть ее без словаря. Это оказалось легче, чем я ожидал. Но, хорошенько подумав, я решил вернуться к английскому. Достал снова карточки и решил учить их по утрам, перед выходом на работу, когда голова была ясная. Но на них не хватало времени. И мне пришлось вставать в половине шестого, чтобы уделить английскому хоть двадцати минут.

На новой работе приходилось все время сидеть перед монитором. А я привык к активному труду – в маршрутах всегда приходилось много ходить. Зимой, в офисе, когда начиналась камеральная работа (обработка полевых журналов, построение планов и карт и так далее), надо было часто бегать из кабинета в кабинет, и часто спускаться в подвал, где хранились наши пробы и их дубликаты.

Чтобы восполнить нехватку физического труда на новой работе, я стал в обед покидать офис с компьютером, и отправлялся на прогулку. За сорок восемь минут обеда можно было многое успеть. И я успевал очень много – забежать в пару магазинов, пообедать, покормить воробьев, и пройти несколько километров по неизвестным улицам. Так продолжалось до отпуска, в который мне можно было пойти через полгода. Я поделил отпуск на две части по две недели в каждой, и выбрал для первой части отпуска июнь.

Давно, в одном маршруте около города Серова я наткнулся на берегу реки Каква на кучу камней, прикрытую сверху травой и прошлогодними листьями. Камни находились в пойме реки, заросшей кустами ивы и молодыми невысокими соснами, в двух – трех метрах от воды. Они не могли быть коренными выходами и аллювиальными отложениями. Мне стало интересно, и я эту кучу разворошил.

Там оказалась темно-зеленая порода, с порфиrowыми вкрапленниками калиевого полевого шпата, причем полевой шпат был розового и ярко желтого цвета. Было очень красиво. Никогда прежде я не видел такую красивую горную породу. Это был порфир. Засунул один порфир в рюкзак и записал в полевой книжке место отбора образца. И продолжил маршрут.

Через несколько лет, когда занялся камнерезным делом, я вспомнил о своей находке и пожалел, что не взял себе образец на память. Из него бы вышла бы хорошая шкатулка, и покупатели в магазине устроили бы драку за право ее купить. Съездить на место, где я его обнаружил, тогда не было времени. Но у меня хорошая зрительная память, и я решил, что

когда у меня выдаться несколько свободных дней, съезжу и привезу побольше этого порфира домой. Для изготовления из него разных сувениров и шкатулок.

Эти дни, наконец, наступили, и я собрался в места, в которых когда – то работал и где нашел кучу порфира.

Курить я бросил лет шесть назад, но в путешествиях разрешал себе курить. Утром по пути на вокзал купил пачку сигарет и оправился в увлекательное путешествие. Надел привычную геологическую брезентовую спецовку, взял старую полевую сумку, геологический молоток, и снова превратился в геолога. Доехал до Серова, потом на автобусе доехал до деревни Воронцовки, где располагалась геологическая партия, и дальше пошел пешком. Эти места я помнил очень хорошо. И безо всяких сомнений зашагал вперед. Надо было добраться до населенного пункта Гаревой, где стояла школа, в которой мы жили, перейти на другой берег реки Каква, и по визирам, повторив свой маршрут выйти к реке, в пойме которой лежала куча порфира.

Прошло больше десяти лет, как я здесь работал, но все осталось на месте – и Воронцовка, и поселок Белка, в который мы тогда ездили за продуктами. Я прошел Белку и остановился у беспорядочно сложенных гранитных глыб. Тогда их не было. Выбрал место, развёл небольшой костер и решил поесть. Было холодно, дул сильный ветер, и я стал мерзнуть в своей брезентовой штормовке. Когда подбрасывал в костер всякую деревянную всячину, обнаружил утеплитель к куртке темно-малинового цвета. Он был из пуха, как пуховик, но без рукавов, и длинный – почти до колен. Я немедленно одел его, он пришелся мне в самый раз, и сразу согрелся. Обед был уже готов, пришлось его немедленно съесть пока он был горячим. Потом запил его чаем и закурил, оглядывая окрестности. Курить после такого длительного перерыва было очень приятно, и я сидел, наслаждаясь этим процессом.

Пару раз в новостях я слышал передачи про Воронцовское месторождение золота. В те времена, когда я здесь ходил маршрутами, на нем были лишь устья разведочных скважин, да иногда попадались шурфы с креплением из бревен. Сейчас все изменилось, и я шел, не узнавая знакомые места. Появились новые дороги и исчезли участки леса, в которых мы бурили скважины. Наконец дошел до самого воронцовского месторождения. Сначала показался административный корпус, а за ним я увидел огромный карьер, даже не один, а несколько.

Дорога проходила в нескольких сотнях метрах от карьеров и отвалов, и я устал, в конце концов, разглядывать этот промышленный пейзаж с отвалами и карьерами. Лес, который когда-то был здесь, исчез навсегда. И я боялся, что знаменитый родник, из-за которого нам не разрешили закладывать опытный карьер по добыче мрамора, тоже исчез. В воде этого родника было повышенное содержание серебра, и вода была очень вкусной. Мы всегда из него брали воду для питья и приготовления пищи. Тогда здесь была труба, из которой текла родниковая вода, но сейчас я обнаружил на этом месте маленькую ротонду со скамейками. Вода была на месте – она текла из труб невысокой башенки.

Я напился, потом набрал во фляжку воды и зашагал дальше.

Школы – бревенчатого одноэтажного здания, в которой мы когда-то жили, не оказалось. На этом месте был пустырь, а у окраины леса было большое кладбище для домашних животных. Я прошел мимо него и углубился в знакомый по маршрутам сосновый лес. Дорога начала спускаться вниз, и я уже был готов увидеть реку, через которую мне надо перейти. Через реку можно было перейти через переправу – она была сделана из труб большого диаметра, по которой вывозили лес, и брод, ниже этой переправы, по которому мы ездили на машине, когда летом уровень воды падал.

Через брод я не пошел – был еще паводок, и можно было запросто утонуть в холодной воде. Да и течение у реки было очень быстрым.

Поэтому я спустился к реке по дороге и вдоль берега направился к переправе. Когда-то здесь не было дороги, а только узенькая рыбацкая тропинка, на которой рыбаки оставили

мне спиннинг и две японские катушки. Но я не собрался ловить рыбу, так как был паводок, и уважающая себя рыба не клевала в паводок. Тем более, они мне не оставили блесен. И забрав катушки, я пошел по дороге дальше. Сейчас она превратилась в дорогу, и мне было удобно по ней шагать и разглядывать прибрежные скалы сложенные порфиритами – практические те же порфиры, но с другим химическим составом полевого шпата.

Впереди показали трубы переправы. И я подумал, что уже сегодня могу добраться до своей цели. Но оказалось, что перейти через реку мне не удастся – переправа была разрушена. Могучая и своенравная река размыва гравийную подушку, на которой лежали трубы, а стволы деревьев плывущих по течению, сдвинули их. Три трубы лежали в реке, и одна из них лежала метрах в трех от меня. Остальные лежали поодаль, на мелководном участке.

Если бы мне удалось добраться до первой трубы, я бы без хлопот по остальным трубам перебрался на тот берег. Но основная масса воды устремилась как раз между этой трубой и мелководьем, на котором я стоял, и с печалью смотрел на близкий, но недоступный противоположный берег.

У меня остался последний, но реальный план попасть на другой берег реки. Выше по течению был санаторий, и там был железный мост, построенный давно по всем правилам. Его точно не могло смыть – он находился над течением метрах в пяти. Я там никогда не был, но верил рассказам тех людей, которые там побывали. Правда, это было давно. Но попытка не пытка, и отправился дальше по дороге. У меня с собой была хорошая топографическая карта. Я достал ее из полевой сумки и посмотрел, сколько мне надо осталось. Если идти по дороге, то километров около пяти. Но если пойти через тайгу, то всего километра два. Я измерил по карте угол транспортиром, достал компас и пошел по азимуту через тайгу. На каждом шагу рос шиповник с острыми шипами, и когда мне надоело хвататься за эти колючки, пришлось одеть перчатки. Лучше было идти по дороге, так как в лесу начались горки, покрытые буреломом, и я устал перебираться через стволы валявшихся то тут, то там сосен. Потом выяснилось, здесь недавно пронесся неслыханный ураган, который и погубил и мост, и деревья, которые лежали сейчас на моем пути. Последний спуск с горы, покрытый зарослями малины и шиповника среди упавших сосен закончился, и я выбрался на дорогу, которая сворачивала к мосту.

Мост был солидный и был построен на века. Вход на него был закрыт воротами из высоких толстых металлических прутьев. Я осмотрел ворота слева, потом справа. Шансов пробраться на мост, минуя ворота, у меня не было. Пришлось даже слазить вниз – к опорам моста, но там тоже было не пробраться.

Тогда я стал молотить по воротам в надежде, что какой-нибудь охранник проснётся и подойдет ко мне. Через минут двадцать моего звяканья по металлическим прутьям показалась охранник – мужчина средних лет с собакой. Я объяснил ему, что геолог, и что мне надо попасть на другой берег, потому что переправу, по которой собирался перейти размывло. На мне была геологический костюм, на боку висела полевая сумка, и он сразу поверил. Открыл ворота и показал направление, в каком мне надо идти, чтобы обойти санаторий и выйти к берегу. Я ему сказал большое-большое спасибо, и через пять минут вышел к реке, преодолев по пути узкий и крутой лог, впадающий в реку. Вдоль берега не было никакой тропинки, а может она и была, но находилась под водой. Пришлось подняться по склону повыше, чтобы не лазить по другим логам.

Уже темнело, и надо было поискать место ночлега. Когда я встретил поваленную сухую сосну, то остановился. Было холодно, сыро и нужен был костер на всю ночь. Как раз для этого рядом лежала сухая сосна. Развел костер, соорудил из этиленовой пленки палатку, нарубил туда сухих жердей и набросал на них елового лапника. Потом достал легкий спальный мешок, в котором спал, когда служил геологом последние годы и положил его на лапник. Между этими делами я сварил супокашу с большим содержанием тушенки и чай. Все было сделано быстро,

так я устал, как собака за этот день, и хотел спать. Поел, вымыл посуду и покурил у костра. Потом снял сапоги, надел шерстяные носки, и залез прямо в одежде в спальный мешок.

Спалось, в общем, неплохо, только приходилось несколько раз подниматься среди ночи, чтобы подкинуть в костер дров.

Настало хмурое и холодное утро. Я встал, сходил на берег умылся, и набрал в пластиковую бутылку воды. Вернулся к костру, подогрел вчерашний ужин, и вскипятил чай. Пока все само готовилось, я собрал пленку, скатал спальник, и, когда позавтракал, засунул все в рюкзак, который стал тяжелее на пару килограммов от воды. Больше не хотел и близко подходить к реке. Взял рюкзак на плечи и пошел по лесу, разыскивая по пути дорогу, или тропинку.

Бродить лесом мне уже изрядно надоело, и скоро такая тропинка нашлась. Это был не городской парк, и не окрестности моего дома. Здесь на каждом шагу бурелом, и кроме меня, здесь никого не было.

Часа через три я дошел до переправы, которую смыло, и дальше по течению начинались отвесные скалы высотой до двадцати метров. Мне надо было найти тропинку, которая идет по вершинам этих скал и добраться до дороги, где бурили скважины на мрамор. Там найду начало своего маршрута, в котором нашел порфир, и пойду по своим следам почти двадцатилетней давности. Здесь начинались, знакомые места, и я повеселел.

Тропинка началась прямо у переправы. Сначала надо было идти по ней у самой реки, но потом она начала подниматься на прибрежные скалы. Я с трудом залез на первую скалу и двинулся вперед, разглядывая лес, в котором были остаться профили, где ходили геофизики. Нашел один профиль, и по нему вышел на магистраль. Она и привела меня на лесную дорогу, где я начинал двадцать лет назад свой маршрут.

Я зашагал уверенным и быстрым шагом по знакомой визире, прорубленной очень давно. Через полчаса ходьбы вышел к берегу реки. Где-то здесь находилась куча с порфиром, и стал искать ее по кустам и прибрежному молодому сосняку. Поиски продолжались долго, но ее не было не видно. Тогда не было навигаторов, и я не оставил никакой зарубки на деревьях. Не думал, что спустя годы вернусь сюда опять.

Прошел пару сотен метров вниз по течению и снова стал лазить по кустам. Ничего. Пришлось забраться на прибрежные скалы и пройти по ним почти метров восемьсот, надо было найти просеку, которая мне служила ориентиром. Нашел и пошел по ней, с каждым шагом удаляясь от реки. Дошел до дороги, и нашел другую визирку. По ней вернулся опять к реке. Поискал там, снова вернулся по этой же визире к дороге, нашел следующую визирку и пошел по ней к реке. Так я курсировал по лесу, пока не оказался у брода, по которому когда-то переправлялись через реку.

В кустах около брода обнаружился мотоцикл «Урал» с коляской. Кто-то не мог здесь проехать через реку, и оставил свою технику до тех пор, пока не спадет вода. Я поглядел на этот мотоцикл, но даже не стал подходить к нему, а пошел обратно к реке. На отмели валялись пара бревен, в лесу нашел сухие дрова и решил подкрепиться, и обдумать план действий.

Съев обед, я решил найти то место, которое запомнил много лет назад. Эта поляна была на том берегу, и в моей памяти сохранились ее очертания. Я пошел вниз по течению реки и вскоре нашел ту поляну. Сделал зарубку на дереве около реки и забрался на прибрежные скалы. У меня было подозрение, что куча этих порфиров была устроена кем-то из местных геологов, или любителей камня, и ее уже увезли. Здесь была река, и по воде можно было сплавить любой груз и почти тонну камней.

Но в моих силах было найти тот карьер, или закопушку, где этот порфир добывали. И я принялся за поиски. Стал ходить по прибрежному лесу и осматривать береговые скалы, откалывая молотком и рассматривая образцы порфиров, которыми они были сложены. Место, которое я искал, не должно находиться далеко от реки – обнаружить такую породу случайно

под почвенно – растительным слоем в лесу было невозможно, а в прибрежных отложениях, или в прибрежных скалах было вполне реально. Я был геологом, и знал, что и как искать.

Поэтому после продолжительных поисков я нашел старый карьер у скального обрыва. Он был небольшой – метров пятнадцать длиной и метров пять шириной. И был практически весь засыпан обломками порфиристов. Но среди них попадались обломки порфира с мелкими кристаллами калиевого полевого шпата желтого цвета. Но таких образцов, которые я искал, не было видно. Отсюда можно было сделать вывод – или камень, который мне был нужен, добыт полностью, или жила с таким порфиром была завалена, и чтобы ее найти, надо было убрать тонны породы из этого карьера.

Заниматься этой работой мне было не под силу – здесь надо было использовать экскаватор, или мощный трактор. У меня не было ни времени, ни сил, ни возможности. Некоторые обломки я мог убрать, но там были глыбы, которые даже сдвинуть с места не мог. И, посидев на этом засыпанном карьере, я в глубокой печали отправился устраивать себе ночлег.

Вернулся к реке и по тропинке вышел к старому броду, где обедал. Было уже темно, когда я ужинал. Натягивать пленку и таскать лапник у меня уже не было сил. Решил обойтись без спального мешка. Все бревна, которые валялись на этой прибрежной отмели, подтащил к костру, устроил его побольше и сделал нары. Впереди была долгая ночь, и было тепло, даже ветра не было. В темноте шумела и бурлила река, взошла луна, показались звезды. Я полулежал на своих нарах перед костром и размышлял обо всем сразу. У меня остались продукты максимум на полтора – два дня, сигареты на день, и мне надо было выходить в обитаемые места, пока на это у меня были силы и возможность.

Настало солнечное утро. Я раздул угли у костра, подогрел и доел суп, вскипятил и выпил чай, помыл посуду, засунул все в рюкзак, и сев на пенек у костра, достал из полевой сумки карту. Места около реки я немного знал, но дальше не заходил – не было у меня тогда надобности, когда тут работал. Но один из наших рабочих, наш повар, ходил однажды за клюквой на очень большое болото. Принес очень крупные ягоды размером с вишню. На это болото ездил когда – то мой брат, тоже за клюквой, один раз я с ним съездил, но больше не захотел. Я знал, где можно было собирать клюкву недалеко от родительского дома, и тратить время на поезд, и потом тащить несколько ведер собранных ягод мне не нравилось.

Изучив карту, составил для себя маршрут и посчитал время, необходимое для того, чтобы добраться в Серов. Получилось два дня. Потом у меня кончатся продукты и сигареты.

Я пошел по лесной дороге. Через два часа показался газопровод с многочисленными дорогами, которые от него отходили в сторону Серова. Но я не спешил ими воспользоваться. У меня была топографическая карта с масштабом, который не позволял нанести на нее все дороги – в одном сантиметре был один километр. И мне не хотелось рисковать временем, которого было мало.

По газопроводу я спустился к реке. На противоположном берегу реки, в нескольких километрах проходила автотрасса Серов – Североуральск. И мне надо было взглянуть на реку, узнать, можно ее как-нибудь перейти. После того, как она вырвалась из скальных объятий, река разлилась, и течение ее замедлилось. Передо мной оказался пруд шириной несколько сотен метров.

За рекой было слышен приглушенный гул автомашин. Пересечь реку и добраться до автострады, у меня не было никакой возможности. И я отправился немного назад, чтобы устроить себе ночлег в лесу подальше от сырого речного воздуха.

Уже начало темнеть, когда нашлось подходящее место для ночлега. Натаскал побольше сухих дров, развел костер и начал свои хлопоты. Привязал веревку между березами, перекинул через нее полиэтиленовую пленку. Почулилась палатка. На сухие жерди под нею сложил лапник, а на него спальный мешок. Готово. На костре уже кипела вода в жестяной банке и котелке. Я засыпал чай в банку, в котелок вермишель с тушенкой, и пока все остывало, закурил, оглядывая

все вокруг, надеясь, что ничего не забыл. После плотного и сытного обеда залез в спальный мешок и крепко заснул, на всю ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.